

Научная статья

УДК 821.161.1+82.091

DOI 10.17223/18137083/95/8

Фантастические мотивы и мир детства в романе Д. А. Пригова «Катя китайская»

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена анализу фантастических мотивов, связанных с темой Китая, которые создают особое пространство детства в тексте романа Д. А. Пригова «Катя китайская». Тема памяти, мотивы ее искажения и исчезновения вместе с постоянным раскачиванием между точкой зрения героини и восприятием автора ведут к неожиданным сопоставлениям и сближениям. Отдельно рассматриваются примеры удвоения образов, их повторов в различных эпизодах. Все это создает волшебный мир сказочного Китая, который является миром детства, где все возможно и все необъяснимо. Пространство и время в этом мире также дwoятся, образуют различные линии, которые переплетаются в узоре повествования, создают сложно выстроенный лирический сюжет, сверх-событием которого становится взросление героини.

Ключевые слова

роман о взрослении, детство, Д. А. Пригов, фантастические мотивы, Китай, художественное пространство, художественное время, память, двойственность, лисы-оборотни, лирический сюжет

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0001: «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературной эпики: синтез исторического, утопического, фантастического»)

Для цитирования

Абрамова К. В. Фантастические мотивы и мир детства в романе Д. А. Пригова «Катя китайская» // Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 119–131. DOI 10.17223/18137083/95/8

© Абрамова К. В., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 119–131
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2, pp. 119–131

Fantastic motifs and the world of childhood in the novel “Katya the Chinese” by Dmitri Prigov

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

This article analyzes the novel “Katya the Chinese” by Dmitri Prigov, focusing on the fantastical motifs associated with China that construct a unique “childhood space” within the narrative. Seen through the protagonist’s eyes, this space is simultaneously mundane and surreal, permeated by extraordinary elements. The study explores the theme of memory, specifically its distortion and disappearance, and how it organizes the text’s spatial structure. The constant oscillation between the heroine’s limited point of view and the author’s overarching perception creates a spatial duality, leading to unexpected conceptual convergences. Special attention is paid to the imagery of magical creatures rooted in Chinese mythology. The author identifies a primary literary source for these images: Pu Songling’s “Strange Tales from a Chinese Studio” (often translated into Russian as “Strange Stories from the Cabinet of a Loser”), with which Prigov was likely familiar through the classic translations by Academician V. M. Alekseev. Further examination within the article is dedicated to the concept of doubling, addressing both the recurrence of images and the heroine’s life narrative, which is enriched by hypothetical futures and the author’s personal memories. Ultimately, the blending of perspectives, metamorphoses, and fantastical imagery creates a magical “fairytale China” that serves as an emblem of childhood, a world where the inexplicable is the norm. The doubling of space and time forms a complex narrative pattern, resulting in a lyrical plot centered on the heroine’s coming of age.

Keywords

coming-of-age novel, childhood, D. A. Prigov, fantastic motifs, China, artistic space, artistic time, memory, duality, werefoxes, lyrical plot

Acknowledgements

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0001: “Plot and Motif Complexes of Russian Literary Epics: A Synthesis of Historical, Utopian, and Fantastic Narratives”)

For citation

Abramova K. V. Fantasticheskiye motivy i mir detstva v romane D. A. Prigova “Katya kitayskaya” [Fantastic motifs and the world of childhood in the novel “Katya the Chinese” by Dmitri Prigov]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2026, no. 2, pp. 119–131. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/95/8

Последнее произведение Дмитрия Александровича Пригова, роман «Катя китайская», вышедшее в 2007 г., уже посмертно, нечасто становилось объектом исследовательского интереса. Повествование в романе строится вокруг описания детства главной героини, девочки, не называемой в тексте по имени, ее восприятия мира и жизни семьи в Китае, поэтому большая часть научных работ, рассматривающих этот текст, так или иначе затрагивает различные аспекты отражения китайской культуры в романе. Например, в работах Ли Гэнь анализируются разнообразные реалии китайского быта, которыми наполнен роман Пригова,

делается акцент на описании судьбы эмигранта [Ли, 2021; 2022]. И. А. Алексеев рассматривает многочисленные искажения, которым подвергаются слова китайского происхождения, а также более сложные формы трансформации образов, связанных с китайской культурой [Алексеев, 2020]. Е. В. Капинос останавливается на анализе стилистических приемов, сюжетов, мотивов, подтекстов, которые позволяют воссоздать атмосферу русского Китая и обобщенный образ Востока [Капинос, 2020а; 2020б].

В нашей работе мы остановимся на одной из самых интересных особенностей романа, подсказанной его названием. На наш взгляд, насыщенность текста разнообразными деталями вводит тему необыкновенного пространства, показанного нам глазами героини, а потому одновременно характеризующегося и как обыденное (оно является для девочки чем-то самим собой разумеющимся), и как наполненное ирреальными элементами. Целью нашей статьи является описание фантастических мотивов, связанных с темой Китая, ярко проявляющихся в романе Д. А. Пригова «Катя китайская» и создающих особое, двойщееся, пространство детства.

Эта двойственность пространства и времени в романе становится своеобразным знаком детского восприятия, а также, как мы хотим показать, особенностью жанра романа о взрослении, поскольку в тексте совмещаются несколько точек зрения на описываемое, одновременно проступают и взгляд на мир ребенка, и восприятие взрослого человека, как будто вспоминающего о детстве¹. Отметим, что героиня и автор в романе наделены двойственной природой: по замечанию Е. В. Капинос, «романное “я” автора сопровождает девочку повсюду. Важнейший конструктивный и лирический мотив в романе – воображаемое посещение автором мест, связанных с жизнью героини...» [Капинос, 2020а, с. 338]. Мы не будем подробно останавливаться на данном аспекте, поскольку он требует отдельного исследования, скажем только, что это создает дополнительное удвоение пространства и времени в романе и вносит элемент необычайного, поскольку одни воспоминания как будто накладываются на другие, граница между ними становится зыбкой, проницаемой.

Как уже было указано выше, текст романа насыщен описаниями экзотических реалий, которые создают атмосферу Китая. Но все эти реалии возникают в чужом воспоминании (в первой редакции роман даже имел подзаголовок «Чужое повествование»²). В связи с этим необходимо отметить, что появление фантастических мотивов тесно связано с темой памяти, а также с мотивами ее искажений и появляющихся несоответствий, связанных с забвением, постепенным растворением того, что исчезает из памяти³.

¹ И. В. Кукулин писал о романе «Катя китайская»: «...перед нами – роман воспитания, но особый: центральное место в нем занимает “овладение поэтическими деталями, уловками и обманками”» [Кукулин, 2010, с. 602–604]. Исследователь также говорил о повести Бориса Пастернака «Детство Люверс» как о прототипе романа Пригова и отмечал «значимую перекличку с книгой Гриши Брускина “Мысленно Вами”» (см. [Кукулин, 2010]). Е. В. Капинос среди источников произведения Д. А. Пригова называет не только «Детство Люверс» Пастернака, но и «Другие берега» и «Дар» В. Набокова, фельетон И. Ильфа и Е. Петрова «Идейный Некудыкин», воспоминания харбинских эмигрантов [Капинос, 2020а; 2020б].

² См. подробнее о подзаголовке «Чужое повествование» и связанных с ним образных аспектах: [Кукулин, 2010; Хабибуллина, 2013; Капинос, 2020а; 2020б].

³ Подробнее о функционировании темы памяти в текстах Д. А. Пригова на примере романа «Живите в Москве» см. [Ямпольский, 2010; 2016]. Кроме того, И. В. Кукулин отмечает: «Самым сложным предстает осмысление памяти в “Кате китайской”, где речь идет

М. Ямпольский, рассуждая о теме памяти в романе Пригова «Живите в Москве», пишет: «Все начинается с образа памяти, пусть не своей, но исторической... Следование по установленным маршрутам припоминания (в принципе не отличным от парадигм языка, языковых ассоциаций) в конце концов полностью отменяет память и выводит ее совершенно за пределы следов всякого опыта. Происходит как бы выход из области опыта в область языкового тезауруса» [Ямпольский, 2010, с. 208]. В «Кате китайской» все также начинается с образа памяти, но не своей, а чужой. Первые строки романа как будто демонстрируют процесс обращения к вспоминаемым событиям, но сама героиня, девочка, упоминается лишь в третьем лице:

Это год 1944-й или 1945-й. Да, 1945 год. Девочке лет пять. Вернее, около четырех. Значит, все-таки 1944-й. Война (Пригов, 2007, с. 5)⁴.

Только после такого вступления, в котором всезнающий автор как бы припоминает⁵ жизнь девочки, появляется описание того, что могла воспринимать она сама.

Одно из таких воспоминаний – описание колоритной процессии в честь празднования нового года, с хлопушками и барабанами, с фигурами зверей, чудищ и, конечно, драконами:

Голова дракона то припадала к земле, то вздымалась к небесам. В этот момент девочка различала под ней беспрестанно переступающие, мелькающие босые смуглые ноги танцора. В отдалении рядом с драконом шел как бы непричастный всему этому безумию высокий человек с большой зеленоватой рыбиной, которая время от времени впивалась в дракона, кусала и отскакивала. Легкие пузырьки вырывались из тяжелого туловища, шутиливо взбирались по нагретому воздуху и исчезали в блеклой голубизне.

уже не о том, верны или неверны воспоминания героини, а о том, какой статус они приобретают в разных исторических контекстах, которые повествователь “вспоминает по ассоциации” по ходу повествования: личные воспоминания Кати, запомнившиеся ей чужие рассказы о прошлом и различные “глобальные” исторические нарративы всякий раз ставят здесь друг друга под вопрос» [Кукулин, 2010, с. 588]. Мы хотим показать, что важную роль в создании подобного впечатления неточности, «зыбкости» повествования играют фантастические мотивы.

⁴ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются страницы.

⁵ Приведем еще одну цитату из исследования М. Ямпольского, касающуюся припоминания: «Генерирование текста тут связано с припоминанием. Припоминание противоположно по своему характеру изобретению, чистому выдумыванию. Выдумывание – это свободная спонтанная активность сознания, а припоминание еще Аристотелем определялось как претерпевание, *pathos*. И действительно, человек редко сознательно запоминает, и ему трудно припомнить усилием воли. Припоминание чаще всего возникает помимо воли человека, именно как претерпевание. <...> Относительная пассивность припоминания имеет прямое отношение к статусу “Я” приговского рассказчика, “Я”, не обладающего индивидуальной волей и спонтанностью самопроявления. “Я” мемуариста “Живите в Москве” не обладает активностью субъекта. Но в припоминании важно и то, что оно детерминировано определенными событийными, фактическими или временными рядами, в которые инкорпорирован образ памяти» [Ямпольский, 2010, с. 203]. См. также главу 7 в работе [Ямпольский, 2016]. В «Кате китайской» повествование тоже строится как припоминание, поэтому тексту также свойственна пассивность и рассказчика, и самой героини – оба они оказываются как будто увлекаемыми нагромождением воспоминаний.

Дракон стремительно озирался. Человек с рыбиной никак не реагировал на это. Дракон снова припадал к ногам девочки (с. 14–15).

Тема монструозности, возникновения различных чудовищ или метаморфоз, приводящих к их появлению, очень важна в творчестве Пригова. Так, Д. Голышко-Вольфсон [2010] говорит о воплощении в образе монстра идеологии, а И. В. Кукулин [2010] замечает, что монстр у Пригова – «фантазматический образ Другого». М. Майофис, сопоставляя авторские стратегии Д. А. Пригова и Г. Р. Державина, упоминает и о «зачарованности фигурой монстра», объединяющей этих поэтов [Майофис, 2010, с. 299–304]. В работе М. Хабибуллиной подробно анализируется образ дракона с точки зрения ассоциаций с китайской культурой, но также подчеркивается, что в «Кате китайской» происходит стирание границ «между обыденным и трансцендентным, человеческим и монструозным», что, с точки зрения исследователя, является отсылкой к восточным религиям, проповедующим всепроникающее единство [Хабибуллина, 2013, с. 253].

В связи с темой монструозности в романе проявляется и двойственность художественного пространства: оно одновременно содержит в себе и «человеческое» измерение, то, что можно отнести к реальности жизни девочки, и фантастические черты⁶. В приведенном фрагменте дракон – всего лишь манекен на праздничном маскараде, фигура, которой управляет человек, но даже в таком максимально реалистичном описании мы можем заметить намеки на то, что дракон становится волшебным существом из сказок, обретшим, хоть и не в полной мере, собственное существование. Например, далее в описании появляется фраза: «Тонкое белесое марево застило все видение, придавая ему вид ирреальной, но притом и хорошо просматриваемой картины» (с. 15). А нянька и девочка стараются быть поближе к хлопущим, которые «были весьма пугающи, но все-таки не настолько, как эти, обступающие со всех сторон чудища, драконы, звери и особенно страшные безобразные, невидимые, но явно ощущаемые духи и демоны» (с. 15). Автор подчеркивает фантастичность наблюдаемого девочкой, о фантастических созданиях говорится так, как будто они в самом деле обступают героиню. Таким образом, мир произведения двоится, распадается на два полюса, один из которых дает максимально рациональную картину: девочка видит босые ноги танцора и осознает, что происходящее – лишь представление, но сквозь этот реальный мир как будто проступает мир фантазии – дракон оживает.

Подобные детали создают впечатление детского восприятия, когда изображение или игрушка могут «ожить», как будто воплотиться в реальности⁷. Причем фантастические черты мира, в котором проходит детство героини, постепенно проявляются все ярче и интенсивнее. Одним из своеобразных кульминационных моментов становится описание легенды о монастыре разлетающихся кошек, о которой подробно писала Е. В. Капинос [2020а; 2020б]. Мы же остановимся на другом ярком эпизоде: примерно в середине романа девочка отправляется в гости к китайским слугам, няня приводит ее в свою семью и знакомит с много-

⁶ Напомним, что, поскольку в романе постоянно смешиваются воспоминания о жизни девочки с воспоминаниями автора, происходит постоянное смешение точки зрения героини и автора, их слияние тоже может быть рассмотрено с точки зрения фантастической трансформации. О монстрах и телесности у Пригова, в том числе и с точки зрения «“вселения” автора в женское», см. [Чепела, Сандлер, 2010].

⁷ Заметим, что одно из воспоминаний героини связано с разбившейся куклой и с ощущениями, связанными с темой смерти (см. (Пригов, 2007, с. 11)).

численными родственниками, перечисление которых уже звучит экзотично, а затем появляется целый каскад фантастических историй: о лисах-оборотнях, о детях, чьи души забрали маргышки, о духах умерших, захватывающих жилище:

Безумное скопление мгновенно исчезающих обитателей хлипких жилищ напоминало девочке тех многочисленных мелких и неуследимых, коварных и далеко не безопасных существ, которые, по рассказам взрослых, зачастую захватывали места обитания городской бедноты, практически беззащитной пред лицом любого из них. А претендовали на них – о как! – многие.

Да, да, обитатели сих жилищ были невинными и почти безоружными (если не поминать многотрудную и недешевую магическую и ритуальную практику) жертвами упоминаемых злодеев. Притом бесчисленных и безумно изощренных в своих коварных и жестоких проделках. Хотя, конечно, везде не без этого (с. 92).

В приведенном отрывке сами фантастические существа прямо не называются, их проделки и козни будут описаны далее, но здесь мы видим, как повествование о девочке и ее восприятии перерастает в монолог автора, комментирующего ту обстановку, которую он никак не мог видеть. Эмоциональные ремарки «о как!», «да-да» и особенно завершающее утверждение «Хотя, конечно, везде не без этого» расширяет пространство текста, включает в него не только Китай, наполненный фантастическими существами (заметим, что описанные как вполне обыденные реалии), но и вообще любые места, где оказываются как будто возможными эти же, характерные для китайской мифологии, случаи. Приведем одно из таких описаний:

Рыжеватые, лоснящиеся, роскошно обернутые в свои южнопушистые, соблазнительно поблескивающие шкурки, оборотни-лисы подходили к шатким дверям низеньких жилищ и под видом беззащитных нищих старушек или бедных невинных потерявшихся девушек со скромным видом стучали в колотушку. Как только дверь приотворялась (а кто не отворит?!), они мгновенно, лишь легко коснувшись встречавшего их, чиркнув по нему своей лоснящейся шкуркой и вызвав неяркое промелькивание искорок статического электричества, проскальзывали внутрь и бросались к колыбельке посапывавших во сне младенцев (с. 92).

Эти истории как будто погружают читателя в мир, населенный духами и чудовищами, мир верований простых китайцев. Конечно, эти образы в романе «Катя китайская» имеют фольклорные корни, но интересно определить еще и возможные литературные источники, помимо тех, которые были уже названы другими исследователями⁸. Одним из таких источников могла стать книга китайского писателя Пу Сун-лина, жившего в XVII – начале XVIII в., «Странные истории из кабинета неудачника» (варианты названий: «Ляо Чжай чжи и», «Описание чудесного из кабинета Ляо»). В ней содержится около 500 новелл, в сюжетах которых часто использованы образы и мотивы волшебных явлений, взятые из народных сказаний. При жизни Пу Сун-лин не был известен, но позднее его произведения «заслужили славу одной из вершин китайской художественной прозы и обессмертили его имя» (об этом см. в предисловии к [Пу Сун-лин, 2022]). На русский язык переводить новеллы Пу Сун-лина начали еще в конце XIX в., но

⁸ См. [Хабибуллина, 2013; Алексеев, 2020; Капинос, 2020а; 2020б].

широкую известность в России они приобрели после выхода переводов академика В. М. Алексеева, с 1920-х гг. выходили сборники избранных новелл из «Ляо Чжай чжи и» под названиями «Лисьи чары», «Монахи-волшебники», «Рассказы о людях необычайных»⁹. Уже по названиям сборников новелл видно, что в произведениях Пу Сун-лина часто используется образы лиса или лисицы, которые могут проникать в жилища людей, соблазнять попавших под их чары, что заканчивалось для их жертв безумием или даже смертью. Их Пу Сун-лин сам переносит из народных рассказов и верований, и в «Кате китайской» нет деталей, которые могли бы прямо указать на то, что Пригов ссылается на произведение китайского новеллиста, но, как нам кажется, распространенность этих изданий вполне может указывать на то, что Д. А. Пригов мог быть знаком с ними.

Кроме того, автора «Кати китайской» могла привлечь сама специфика языка рассказов Ляо чжая, о которой Алексеев в предисловии к сборнику «Лисьи чары» 1922 г. писал: «Трудно сообщить русскому читателю всю ту восхищающую китайца двойственность, которая состоит из простых понятий, подлежащих, казалось бы, выражению простыми же словами, но для которых писатель выбирает слова-намёки, взятые из обширного запаса литературной учености и понимаемые лишь тогда, когда читателю в точности известно, откуда взято данное слово или выражение, что стоит впереди и позади него – одним словом, в каком соседстве оно находится, в каком стиле и смысле употреблено на месте и какова связь его настоящего смысла с текущим текстом» [Алексеев, 2022, с. 559].

Весь текст «Кати китайской» пронизан двойственностью, неточностями и фантазиями, на первый взгляд оправданными описанием детского сознания героини, но, помимо отражения детского восприятия, в этих деталях происходит необычайное движение событий, которые создают не только пространство художественного текста, но и само сюжетное содержание, наполняющее это пространство. Фантастические образы вторгаются в обыденную жизнь, смешиваются с ней, становятся ее неотъемлемой частью, поэтому лисы-оборотни появляются в романе Пригова не только в указанном фрагменте. Можно даже сказать, что роман наполнен образами лисиц, но в других частях романа они лишь упоминаются. Например, во фрагменте Легенды о монастыре разлетающихся кошек говорится, что «соперниками, вернее соперницами <кошкам> могли служить разве что лисы-оборотни. Но кошки объявлялись только раз в году, и оттого энергия их обольщения была непомерно сильнее» (с. 200).

И даже в эпизоде описания альтернативной жизни девочки в Ташкенте, в доме ее бабушки, которая могла бы случиться, если бы не произошедшая революция, появляется следующий фрагмент:

Девочка оглядывается. Сквозь листву просматривается кто-то огромный, развешиваемый мелкими просветами на множество сверкающих осколков. Или это многочисленные взблескивающие глаза? Но местные знают, что

⁹ Эти сборники переиздаются до сих пор, а в настоящее время в Санкт-Петербургском университете осуществляется публикация полного собрания переводов всех новелл Пу Сун-лина, включая те, которые не перевел академик В. М. Алексеев. О популярности сборников см. подробнее в предисловии к первому тому указанного собрания. Среди причин их популярности называется «уникальный стиль повествования, чрезвычайно близкий по духу оригиналу Пу Сун-лина: несколько архаичный, изысканный и в то же время гибкий, яркий способный оживать то просторечными вкраплениями, то изощренностью древних цитат» [Пу Сун-лин, 2022, с. 31–32].

лучше не приглядываться. Посмотришь, посмотришь да после и не оторвешься. Не оторваться. Так и останешься сидеть на крыльце с застывшим лицом, обращенным в это мерцающее нечто (с. 211).

Тема возможного развития событий также является элементом, который создает фантастическое удвоение: жизнь героини множится, распадается на несколько вариантов, которые существуют независимо друг от друга. Но между ними прослеживается взаимосвязь – через мотив загадочных существ, в которых вглядывается девочка, поскольку они напоминают перечень мифических обитателей Китая. Описание существ и невозможность на них смотреть отсылает сразу и к Легенде о монастыре разлетающихся кошек, которые, как мы уже указали, родственны волшебным китайским лисицам-соблазнительницам, и к самим лисам-оборотням.

Отметим, что в приведенном фрагменте появляется неожиданное повторение с грамматическим изменением («Не оторвешься» – «Не оторваться»), в котором происходит «раскачивание» между точками зрения героини и автора: автор как будто примеряет на себя то состояние, которое сначала приписывает героине. Это приводит к уже упомянутому нами эффекту: пространство и время в романе становятся нелинейными, они дwoятся, троются, множатся, приобретают фантастические черты, распадаются на множественные линии, которые затейливо перемешаются и переплетаются в тексте.

Такое внутреннее строение романа Д. А. Пригова приводит к тому, что в нем выстраивается сюжет особого типа, лирический сюжет, иррациональный по своей природе, и, согласно характеристике, данной Ю. Н. Чумаковым, «остается во внутреннем пространстве, заполняя его подвижным и разнонаправленным сверхсобытием, в котором собраны всевозможные явления, знаки и следы, переживания других людей, предметов и переживания переживаний» [Чумаков, 2010, с. 56]. В этом, на наш взгляд, отражается и то, что сам текст Пригова может быть отнесен к такому явлению, как «проза поэта», и то, что с помощью такого сложного пространственно-временного построения происходит реализация в нем черт жанра романа о взрослении, где предметом изображения становится процесс перехода из одного состояния в другое, от детства к взрослению, поэтому в сознании меняющегося и познающего мир героя совмещаются неожиданные предметы и явления, возникают необычные сопоставления, фантастические с точки зрения обыденности образы.

Остановимся на еще одном намеке на образ лисицы, который появляется на первой же странице произведения. В описании японского часового присутствуют такие детали:

Неподвижный. Словно застеклевший. Остеклевший. Прямой, чисто очерченный. Его почти мраморно отполированные скулы по-кошачьи широко разнесены в стороны. Иногда даже кажется, что они вдруг стремительно покрываются плотно облегающей поблескивающей меховой шкуркой. Не лисенок, не медвежонок ли? (с. 5–6).

Но заметить этого «оборотня» читатель может практически только ретроспективно, только вспомнив о нем после появления подробных описаний проделок его «сородичей». Мотив оборотничества постоянно поддерживается темой различных удвоений образов, а также их повторов (сам оборотень – это тот, кто содержит в себе две сущности). Мальчик, который на глазах превращается в лисенка, точнее, его копия, тоже появляется в романе еще раз, но уже гораздо позднее:

Запомнился и странный маленький чернявый, но уже и маоцзэдуновский солдатик, подглядывавший за ней из-за угла. Он был ростом с нее и, как-то даже коварно, что ли, улыбаясь, все время манил пальчиком. Так во всяком случае ей представлялось. Девочке казалось, что он произносил русские слова, типа: давай-давай, скорей! Его лицо иногда принимало странное кошачье обличье. Даже уши, заострившись, вздергивались вверх, а гладкое личико мгновенно покрывалось блестящей шерсткой (с. 151).

Жизнь героини тоже множится: это и детство, проведенное в Китае, и путешествие в поезде, происходящее как будто параллельно с ранними ее воспоминаниями, и отступления с комментариями о взрослой жизни героини в Советском союзе, Англии и даже Америке. Как мы уже упоминали выше, даже появляется альтернативное описание детства девочки в Ташкенте. Конечно, постоянное обращение автора к своим собственным детским воспоминаниям, рассуждения о параллелях и ассоциациях, которые он находит между ними, тоже становятся своеобразным отражением, двоением жизни девочки.

Все эти удвоения, утроения, превращения ведут к теме, которая тоже как будто подсказана новеллами Пу Сун-лина. В его рассказах о лисицах воздействие этих существ на человека часто описано словом «наваждение» – и все, что происходит с героиней романа Д. А. Пригова, тоже становится своеобразным наваждением, мороком. Воспоминание (и даже воспоминание о воспоминании, ведь автор нам как будто пересказывает то, что припоминает девочка) – это что-то нереальное и зыбкое, но все эти фантастические явления и существа, которые постоянно вторгаются в детский мир, превращают его в морок и мираж. Однако наваждение становится движущей силой сюжета: так, поддавшись неведомому наваждению, девочка чуть ли не совершает самоубийство¹⁰:

В другой уже, яркий солнечный день, перебегая по деревянному покачивающемуся мостику тихо светящуюся прозрачную неширокую речку Уйхей, перебирая редкие резные столбики ее ограждения, девочка случайно...

Хотя отчего же случайно? Кто знает – может, и не совсем случайно. Может и вполне умышленно¹¹ (с. 19).

Далее сообщение о происшествии прерывается долгим отступлением – рассказом об обмороках, которые могли бы объяснить последующее событие, т. е. действие прерывается, в него опять вторгается автор, комментирующий происходящее:

Так вот, девочка стремительно скользнула в достаточно широкий промежуток, проем между помянутыми деревянными столбиками и рухнула вниз. Даже не рухнула, а именно, что скользнула. Не было ни всплеска, ни разлетающихся капель. Необыкновенное спокойствие и тишина (с. 20).

В этом фрагменте героиня как будто преображается, превращается в рыбу¹², которая бесшумно «возвращается» в свою естественную среду – погружается

¹⁰ О замороженности героини «Кати китайской» смертью и вообще о теме смерти в романе см. [Кукулин, 2010, с. 601; Капинос, 2020б, с. 150–151].

¹¹ Отметим, что здесь снова происходит своеобразное «раскачивание» между двумя значениями: «случайно» и «вполне умышленно». Автор снова вторгается в повествование о героине, комментирует события из ее жизни, но создает двойственное впечатление: возможными оказываются оба варианта.

в воду. И снова это фантастическое явление предвосхищается авторским рациональным объяснением, что опять создает двоение и самого события, и пространства и времени текста.

Кроме того, это описание перекликается с уже практически финальными страницами романа: в конце появляются два эпизода, тоже как будто повторяющие друг друга. Приведем первый из них:

Ей вспомнилась одна давняя, весьма впечатлившая ее история. Год или полтора назад она, уже достаточно взрослая, гуляла по улицам Тяньдзиня. Впереди шла маленькая черноволосая девочка. Склонив голову к какому-то прижатому к груди сверточку, она шептала:

– Лапонька моя! Милая!

Все это, естественно, по-китайски, но девочка поняла. Тогда она понимала.

Девочка глянула через ее плечо и увидела, что на руках у малышки, завернутая в промокшую смятую газету, вяло извивается, вернее, тихо подергивается небольшая слабеющая рыба. Ее нелепо разевающийся рот судорожно пытался ухватить разреженный недостаточный воздух (с. 230).

Образ слабеющей рыбы, которая пытается вдохнуть «недостаточный воздух», напоминает об «обмороке» героини в начале романа, но в этом эпизоде остается загадкой, что именно так впечатлило девочку. Этот вопрос разрешается, когда в романе появляется еще одна китаяночка со свертком:

На выходе из какого-то магазинчика, оглядываясь и перегнувшись в поясе, к ним стремительно приблизилась маленькая девочка, очень напоминавшая ту, с рыбой. Тем более что в руках у ней был такой же маленький обмотанный пестрыми тряпками сверточек, который она протягивала матери (с. 232).

Удвоение образа девочки со свертком ретроспективно позволяет понять, что героиню удивило в первом описанном случае и к чему относилось лепетание «Лапонька моя! Милая!». В первом эпизоде девочка ожидает увидеть у китаянки ребенка, вместо которого в свертке оказывается рыба, хотя мы понимаем, что девочка, как и читатель, узнает о том, что в руках у нее должен быть младенец, только позже. Двоющийся образ приводит к временному смещению, которое как будто имитирует неточность памяти, а также снова отсылает к фантастичности мира «Кати китайской»¹³.

Таким образом, фантастические образы, экзотические мотивы, двоение и метаморфозы, постоянное раскачивание между точкой зрения героини и восприятием автора создают волшебный мир сказочного Китая, который по сути является

¹² О взаимосвязи образов дракона и рыбы, а также об этом эпизоде романа писала М. Н. Хабибуллина [2013].

¹³ Кстати, мороком, вызванным подначиванием двух сестер-спортсменок (которых можно тоже посчитать красавицами-соблазнительницами, аналогами китайских лисиц-оборотней, сразу же «двоющимися» и практически мгновенно исчезающими из сюжета), может быть объяснено и решение героини отправиться в Советский Союз. Подобный образ – двух японок-сестер, которые улыбаются «кошачьими улыбками» и которые то соединяются «в колеблющийся единый контур», то распадаются «на две вполне различимые самоотдельные фигуры» – возникает в романе Д. А. Пригова «Ренат и дракон» (об этом см. [Кукулин, 2010; Ямпольский, 2010]).

миром детства, где все возможно и все необъяснимо. Пространство и время в этом мире также дwoятся, образуют различные линии, которые переплетаются в узоре повествования, создают сложно выстроенный лирический сюжет, сверхсобытием которого становится взросление героини.

В заключение можно добавить, что для новелл Пу Сун-лина характерно дописывание к истории особого заключения, авторского отступления, в котором сообщаются чувства и эмоции, которые испытал Люй Чжай, когда записывал эту историю. И эта деталь перекликается с многочисленными комментариями автора в романе «Катя китайская», о которых мы говорили выше.

Список литературы

Алексеев В. М. Предисловие переводчика [К сборнику «Лисьи чары», 1922 г.] // Пу Сун-лин Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. / Сост. А. Г. Сторожук, отв. ред. Д. И. Маяцкий, пер. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. Т. 1. С. 550–564.

Алексеев И. А. Трансформация реалий как повествовательный прием (на материале романа Д. А. Пригова «Катя китайская») // Урал. филол. вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2020. № 3. С. 110–119.

Гольинко-Вольфсон Д. Читая Пригова: неоднозначное и неочевидное // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): Сб. ст. и материалов. М.: НЛЮ, 2010. С. 145–180.

Капинос Е. В. Роман в стиле шинуазри: «Катя китайская» Д. А. Пригова // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. СПб.: Алетейя, 2020а. С. 336–359.

Капинос Е. В. Русский Китай в последнем романе Д. А. Пригова // Сюжетология и сюжетография. 2020б. № 1. С. 146–165.

Кукулин И. В. Явление русского модерна современному литератору: четыре романа Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): Сб. ст. и материалов. М.: НЛЮ, 2010. С. 566–611.

Ли Г. Культура Китая как предмет изображения в современной русской прозе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 170 с.

Ли Гэнь. Отражение судьбы эмигранта в образе главной героини романа Д. А. Пригова «Катя китайская» // Liteга. 2021. № 6. С. 108–115.

Майофис М. Пригов и Державин: поэт после прижизненной канонизации // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): Сб. ст. и материалов. М.: НЛЮ, 2010. С. 281–304.

Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях: В 7 т. / Сост. А. Г. Сторожук, отв. ред. Д. И. Маяцкий, пер. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. Т. 1. 568 с.

Хабибуллина М. Н. Репрезентация «культурного иного» в романе Д. А. Пригова «Катя китайская» // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 251–255.

Чепела К., Сандлер С. Тело у Пригова (авторизованный пер. с англ. Е. Канищева) // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): Сб. ст. и материалов. М.: НЛЮ, 2010. С. 513–539.

Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М.: ЯСК, 2010. 88 с.

Ямпольский М. Высокий пародизм: философия и поэтика романа Дмитрия Александровича Пригова «Живите в Москве» // Неканонический классик: Дмит-

рий Александрович Пригов (1940–2007): Сб. ст. и материалов. М.: НЛО, 2010. С. 181–251.

Ямпольский М. Пригов: Очерки художественного номинализма. М.: НЛО, 2016. 296 с.

Список источников

Пригов Д. А. Катя китайская. М.: НЛО, 2007. 240 с.

References

Alekseev V. M. Predislovie perevodchika. K sborniku “Lis’i chary”, 1922 g. [Translator’s preface. To the collection “Fox Charms”, 1922]. In *Pu Sun-lin Lyao Chzhay chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika): Polnoe sobranie v 12 tszyuanyakh. V 7 t.* [Pu Song-ling Liao Zhai Zhi Yi (Strange Stories from the Unlucky Man’s Office): Complete collection in 12 Juan: In 7 vols.]. A. G. Storozhuk (Comp.), D. I. Mayatskiy (Ed.), V. M. Alekseev, A. G. Storozhuk (Transl.). St. Petersburg, SPbSU, 2022, pp. 550–564.

Alekseev I. A. Transformatsiya realiy kak povestvovatel’nyy priem (na materiale romana D. A. Prigova “Katya kitayskaya”) [Chinese realia transformations as a narrative device (a study of the novel by Dmitry Prigov “Katya the Chinese”)]. *Ural Philological Herald. Series draft: Young science*. 2020, no. 3, pp. 110–119.

Chepela K., Sandler S. Telo u Prigova (avtorizovanny per. s angl. E. Kanishcheva) [The Body at Prigov’s (authorized translation from English by E. Kanishchev)]. In *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): Sb. st. i materialov* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007): a coll. of arts. and materials]. Moscow, 2010, pp. 513–539.

Chumakov Yu. N. V storonu liricheskogo syuzheta [Towards the lyrical plot]. Moscow, LRC Publishing House, 2010, 88 p.

Golyngo-Vol’fson D. Chitaya Prigova: neodnoznachnoe i neochevidnoe [Reading Prigov: the ambiguous and the non-obvious]. In *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sbornik statey i materialov* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007): a collection of articles and materials]. Moscow, NLO, 2010, pp. 145–180.

Kapinos E. V. Roman v stile shinuazri: “Katya kitayskaya” D. A. Prigova [A novel in the chinoiserie style: “Katya the Chinese” by D. A. Prigov]. In *Russkiy Kitay i Dal’niy Vostok. Poeziya, proza, svidetel’sstva* [Russian China and the Far East. Poetry, prose, and testimonies]. St. Petersburg, Aleteya, 2020a, pp. 336–359.

Kapinos E. V. Russkiy Kitay v poslednem romane D. A. Prigova [The Russian China in the last D. A. Prigov’s novel]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot description and analysis]. 2020b, no. 1, pp. 146–165.

Khabibullina M. N. Rezentatsiya “kul’turnogo inogo” v romane D. A. Prigova “Katya kitayskaya” [Representation of the “cultural differences” in Prigov’s novel “Katya the Chinese”]. *Political linguistics*. 2013, no. 4, pp. 251–255.

Kukulin I. V. Yavlenie russkogo moderna sovremennomu literatoru: chetyre romana D.A. Prigova [The Appearance of Russian Art Nouveau to a Contemporary Writer: Four Novels by D.A. Prigov]. In *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): Sb. st. i materialov* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007): a coll. of arts. and materials]. Moscow, 2010, pp. 566–611.

Li G. *Kul’tura Kitaya kak predmet izobrazheniya v sovremennoy russkoy proze* [Chinese culture as a subject of depiction in modern Russian prose]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2022, 170 p.

Li G. Otrazhenie sud'by emigranta v obraze glavnoy geroini romana D. A. Prigova "Katya kitayskaya" [Emigrant's fate in the image of the protagonist in the novel "Katya the Chinese" by D. A. Prigov]. *Litera*. 2021, no. 6, pp. 108–115.

Mayofis M. Prigov i Derzhavin: poet posle prizhiznennoy kanonizatsii [Prigov and Derzhavin: the poet after his lifetime canonization]. In *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): Sb. st. i materialov* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007): a coll. of arts. and materials]. Moscow, 2010, pp. 281–304.

Pu Sun-lin *Lyao Chzhay chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika): Polnoe sobranie v 12 tszyuanyakh. V 7 t.* [Pu Song-ling Liao Zhai Zhi Yi (Strange Stories from the Unlucky Man's Office): Complete collection in 12 Juan: In 7 vols.]. A. G. Storozhuk (Comp.), D. I. Mayatskiy (Ed.), V. M. Alekseev, A. G. Storozhuk (Transl.). St. Petersburg, SPbSU, 2022, vol. 1, 568 p.

Yampol'skiy M. Vysokiy parodizm: filosofiya i poetika romana Dmitriya Aleksandrovicha Prigova "Zhivite v Moskve" [High Parody: The Philosophy and Poetics of Dmitry Alexandrovich Prigov's Novel "Live in Moscow"]. In *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): Sb. st. i materialov* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007): a coll. of arts. and materials]. Moscow, 2010, pp. 181–251.

Yampol'skiy M. *Prigov: Ocherki khudozhestvennogo nominalizma* [Prigov: essays on artistic nominalism]. Moscow, NLO, 2016, 296 p.

List of sources

Prigov D. A. *Katya kitayskaya* [Katya the Chinese]. Moscow, NLO, 2007, 240 p.

Информация об авторе

Ксения Владимовна Абрамова, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57767830500
WoS Researcher ID K-6526-2017

Information about the author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Philology, Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57767830500
WoS Researcher ID K-6526-2017

Статья поступила в редакцию 28.03.2026;
одобрена после рецензирования 08.04.2026; принята к публикации 08.04.2026
The article was submitted on 28.03.2026;
approved after reviewing on 08.04.2026; accepted for publication on 08.04.2026